

Харченко Лариса Ивановна

кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и практики перевода
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет»

Криштафович Ярослав Олегович

студент 5-го курса специальности 45.05.01
Перевод и переводоведение. Лингвистическое обеспечение
межгосударственных отношений (немецкий / итальянский язык)
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет»

ПРОБЛЕМЫ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ И СОПОСТАВИМОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Аннотация. В статье рассмотрены и проанализированы особенности перевода юридической терминологии в международном правовом дискурсе. Авторы подчеркивают необходимость детального рассмотрения вопроса формальной и функциональной сопоставимости при переводе юридической терминологии.

Ключевые слова: Юридический дискурс, международный правовой дискурс, юридический термин, сопоставимость, эквивалентность.

В условиях активного развития международного сотрудничества, расширения правовых контактов между государствами, международными организациями и наднациональными институтами особую значимость приобретает точность языкового оформления правовой информации. Актуальность качественного юридического перевода особенно возрастает в международно-правовой сфере, где тексты конвенций, договоров, соглашений, резолюций, деклараций и иных официальных документов должны обеспечивать однозначность интерпретации и сопоставимость правового смысла в различных языковых версиях. При этом юридическая терминология не существует изолированно: она функционирует в пределах конкретного правового дискурса, определяется национальной правовой традицией, историей формирования правовой системы, а также особенностями нормативного конструирования. Именно поэтому перевод юридических терминов требует не только языковой компетенции, но и понимания различий между правовыми концептами, стоящими за формально сходными или, напротив, внешне несопоставимыми единицами.

Сложность перевода юридической терминологии обусловлена рядом факторов. Во-первых, юридический термин обладает высокой степенью системности, точности и функциональной закреплённости в пределах определённой отрасли права. Во-вторых, между правовыми системами нередко отсутствует полная понятийная эквивалентность, вследствие чего даже терминологически близкие единицы могут различаться по объёму значения, юридическим последствиям и сфере употребления. В-третьих, международный правовой дискурс предполагает особую степень стандартизации, официальности и смысловой плотности, что ограничивает свободу переводческого выбора и повышает цену даже незначительной неточности. Ошибки в передаче юридических терминов способны привести к искажению правового смысла, нарушению интерпретационного баланса текста и возникновению трудностей в правоприменительной практике.

Е. Ю. Балашова, Н. В. Лазовская подчеркивают, что в условиях международного правового взаимодействия именно терминологический уровень становится одной из наиболее чувствительных зон юридической коммуникации, поскольку через него осуществляется передача правового содержания между различными системами права [1, с. 34-44].

Функционирование юридической терминологии невозможно рассматривать вне той коммуникативной среды, в которой она используется. Термин не существует как

изолированная языковая единица: его значение формируется и раскрывается в дискурсивном пространстве, включающем нормативные тексты, профессиональную юридическую коммуникацию, практику толкования и институциональные механизмы применения права. А.Л. Дединкин подчеркивает, что юридический дискурс представляет собой многомерный феномен, в котором языковые средства соотносятся с задачами правового регулирования и механизмами институционального контроля смысла [3, с. 220-228].

Проблема эквивалентности в юридическом переводе возникает не на уровне отдельных слов как таковых, а на уровне правовых понятий, закреплённых в различных системах права и функционирующих в неодинаковых институциональных условиях. Именно поэтому при сопоставлении юридических терминов недостаточно устанавливать их формальное или словарное соответствие. Термин может иметь внешне очевидный аналог в другом языке, но при этом не совпадать с ним ни по объёму значения, ни по функциональной нагрузке, ни по месту в структуре соответствующей правовой системы. В международном правовом дискурсе переводчик фактически соотносит не только языковые единицы, но и правовые картины мира, что делает перевод юридической терминологии межсистемной задачей [1, с. 34-44].

Перевод в этой сфере неизбежно включает культурный и институциональный слой, поскольку право встроено в традиции юридического мышления и способ аргументации. S. E. Rommer рассматривает юридический перевод как форму межкультурного переноса и отмечает, что различия правовых культур отражаются в терминологии и в трактовке правовых понятий, даже если языковая форма выглядит сопоставимой [11, р. 17-21]. Отсюда следует, что эквивалентность в юридическом переводе не может оцениваться только с точки зрения лексического сходства: она затрагивает глубинные различия в организации правового опыта и в способах нормативного описания реальности.

Эквивалентность в юридической сфере не может пониматься как простое тождество языковых единиц. В отличие от общезыкового перевода, где соотнесение слов нередко возможно на уровне общего значения, юридический перевод требует соотнесения института с институтом, процедуры с процедурой, статуса со статусом, правовой конструкции с правовой конструкцией. В этом смысле перевод юридической терминологии связан с проверкой того, существует ли в правовой системе языка перевода понятие, сопоставимое с понятием исходного языка, и если существует, то в какой степени совпадают их семантические, нормативные и прагматические параметры. С. П. Хижняк связывает специфику юридического перевода с тем, что он опирается на юридически релевантные значения и требует правовой компетентности при выборе переводного решения [9, с. 20-30].

Проверка сопоставимости включает несколько уровней, которые в обычном словарном поиске часто остаются незамеченными. На понятийном уровне важно выявить нормативную дефиницию и системное окружение термина; на функциональном – определить юридическую роль обозначаемого института; на прагматическом – оценить последствия выбора термина для интерпретации текста адресатом. В переводе специальных текстов, как отмечает В.В. Сдобников, качество результата зависит от согласования смысловой цели текста и избранной переводческой стратегии, а это делает предварительный анализ неизбежной частью работы переводчика [6, с. 861-867]. Иначе говоря, эквивалентность в юридическом переводе формируется как результат последовательного аналитического сопоставления, а не как автоматическое нахождение «подходящего слова».

В юридическом переводе важно различать формальную и функциональную сопоставимость. Формальное сходство терминов может создавать иллюзию эквивалентности, однако такая иллюзия часто оказывается опасной. Термин, имеющий близкую фонетическую или графическую форму в двух языках, может выражать разные правовые концепты, иметь иной объём значения или использоваться в другой институциональной среде. Исследование А.Л. Курегян, Е.А. Перцевой и А.П. Кузьминой демонстрирует, что псевдоинтернациональная лексика юридического языка представляет особую зону риска именно из-за расхождения понятийного содержания при внешнем сходстве формы [4]. Эту проблему дополняет анализ А. В. Лебедева, который прямо связывает ложную эквивалентность с опасностью подмены функционально значимого правового понятия лишь внешне удобным соответствием [5].

Проблема сопоставимости осложняется и тем, что юридическая терминология обладает внутренней неоднородностью. Разные группы терминов по-разному соотносятся между собой в межязыковом пространстве. Наиболее устойчивыми обычно оказываются термины, обозначающие общие категории права или закреплённые в международном праве институты. Существенно сложнее сопоставимы единицы, тесно связанные с национальной правовой традицией, исторически обусловленными формами регулирования или внутренней административной практикой. Чем сильнее термин укоренён в конкретной правовой системе, тем выше вероятность, что при переводе он не получит прямого эквивалента и потребует более сложного интерпретационного решения [8].

Отдельную проблему представляет несовпадение объёма значения терминов. Даже при наличии относительно близких единиц в двух языках и двух правовых системах их семантические границы могут не совпадать. Один термин может быть шире другого, включать дополнительные смысловые компоненты, распространяться на большее число правовых ситуаций или, напротив, иметь более узкую сферу применения. С.П. Фокина и Е.Н. Романова связывают подобные расхождения с лексико-семантической спецификой юридического текста в международно-правовом контексте, где смещение значения влияет на трактовку норм [7, с. 479-481]. В таких случаях переводчик должен соотносить не только сам термин, но и его место в системе дефиниций, его сферу действия и пределы юридического эффекта.

В международном правовом дискурсе эквивалентность осложняется ещё одним фактором – многоуровневостью нормативного пространства. Один и тот же термин может одновременно соотноситься с национальным законодательством, международным правом, правом международных организаций и наднациональными режимами. М.Г. Большакова, анализируя перевод международно-правовых документов, обращает внимание на то, что терминологическая точность должна обеспечивать интерпретационную устойчивость документа, включая случаи существования нескольких юридически значимых языковых версий [2, с. 42–53]. В такой ситуации эквивалентность становится не просто вопросом выбора соответствия, а условием поддержания юридической аутентичности текста в целом.

Многоуровневость международного регулирования усиливает и жанровую зависимость терминологии: термин по-разному работает в договоре, судебном решении, резолюции или экспертном заключении. Для переводчика это означает необходимость учитывать институциональную логику текста и способ юридической аргументации, а не только словарное значение. Д.Н. Шлепнёв подчёркивает, что переводческая оценка юридического дискурса опирается на учет жанровых ограничений и профессиональных норм, которые задают рамки допустимых решений [10, с. 214-217]. По этой причине эквивалентность в юридическом переводе всегда зависит и от того, в каком жанре и в каком режиме правовой коммуникации термин употребляется.

Следует выделить проблему безэквивалентной юридической лексики. В ряде случаев термин исходного языка обозначает институт или документ, не имеющий прямого аналога в системе языка перевода. Такая ситуация типична для национально маркированных правовых понятий, административных реалий, исторически сложившихся форм регулирования и отдельных элементов процессуального права. В международной практике подобные единицы особенно чувствительны, поскольку именно они чаще всего провоцируют ошибочные обобщения и некорректные подстановки, подрывающие сопоставимость юридического смысла. При отсутствии прямого эквивалента переводчик оказывается перед выбором между функциональным аналогом, описательным переводом, калькированием или комбинированной стратегией, и этот выбор требует не только языковой, но и правовой оценки.

Сопоставимость терминов зависит также от их места в терминологическом гнезде. Юридическая единица редко существует сама по себе: она связана с рядом производных терминов, отражающих соседние участки правового поля. Ошибка в интерпретации базовой единицы способна распространиться на связанные с ней обозначения и породить несогласованность в тексте перевода. Исследования терминологической согласованности показывают, что последовательность выбора эквивалентов влияет на понимание документа

как целого и должна контролироваться на уровне всей терминологической сети текста. Следовательно, сопоставимость должна оцениваться не только на уровне отдельной единицы, но и на уровне всей системы её связей.

Сравнительно-правовой аспект эквивалентности особенно важен для специалиста в области межгосударственных отношений. В международной юридической коммуникации переводчик выступает не только посредником между языками, но и посредником между нормативными системами. Его задача состоит не в механической передаче слов, а в обеспечении сопоставимого понимания правового содержания сторонами, принадлежащими к разным юрисдикциям. На практическом уровне это означает постоянную необходимость соотносить переводимое понятие с правовой функцией и институциональной ролью, которую оно выполняет в исходной и целевой системах [10]. Именно здесь проявляется различие между лингвистической и юридической точностью: первая касается формы, вторая – содержания и правового эффекта.

Таким образом, проблемы эквивалентности и сопоставимости показывают, что юридический термин нельзя оценивать только по его языковой форме. Его перевод требует учета правовой системы, дискурсивной среды, жанра текста, нормативной закреплённости и институциональной функции. Чем плотнее термин встроен в национальную правовую традицию, тем сложнее задача его сопоставления в международной коммуникации. Чем активнее он функционирует в международном правовом дискурсе, тем выше требования к точности его интерпретации, что и определяет необходимость дальнейшего обращения к переводческим механизмам преодоления обозначенных расхождений.

Список литературы:

1. Балашова, Е.Ю. Проблемы перевода юридической терминологии в аспекте международного правового дискурса / Е.Ю. Балашова, Н.В. Лазовская // Язык науки и профессиональная коммуникация. – 2022. – № 1 (6). – С. 34–44.
2. Большакова, М.Г. Strategies and Techniques of the Translation of International Law Documents / М.Г. Большакова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2023. – № 3. – С. 42–53. – DOI: 10.29025/2079-6021-2023-3-42-53.
3. Дединкин, А.Л. Юридический дискурс как многомерный интегративный феномен и юрислингвистика как синкретическая наука / А.Л. Дединкин // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2021. – Т. 23. – № 1. – С. 220–228.
4. Курегян, А.Л. Systematization of English legal pseudo-international vocabulary in translation into Russian / А.Л. Курегян, Е.А. Перцева, А.П. Кузьмина // Philology. Theory & Practice. – 2024. – Т. 17. – Вып. 8. – DOI: 10.30853/phil20240392.
5. Лебедев, А. В. Специфика англоязычных правовых документов и проблема их переводимости на русский язык / А.В. Лебедев, К.С. Абрашкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – Вып. 3. – С. 53–57. – DOI: 10.30853/filnauki.2019.3.11.
6. Сдобников, В. В. Strategy and tactics of translating special texts / В. В. Сдобников // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2012. – Vol. 5. – No. 6. – P. 861–867.
7. Фокина, С. П. Лексико-семантические аспекты перевода юридического текста в международно-правовом контексте (на материале английского языка) / С.П. Фокина, Е.Н. Романова // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 3 (88). – С. 479–481.
8. Харченко Л. И., Стрельбицкая Т. А. Специфика перевода дипломатических документов/ Л. И. Харченко, Т. А. Стрельбицкая // Флагман науки: Международный научный журнал. – 2026. – № 3 (38).
9. Хижняк, С. П. Юридический перевод как вид специального перевода / С. П. Хижняк // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2022. – № 3. – С. 20–30.

10. Шлепнёв, Д. Н. Юридический дискурс с точки зрения переводчика: рабочая переводческая типология / Д. Н. Шлепнёв // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 2-1 (80). – С. 214–217.

11. Pommer, S. E. Translation as intercultural transfer: the case of law / S. E. Pommer // SKASE Journal of Translation and Interpretation. – 2008. – Vol. 3. – No. 1. – P. 17–21

